

Научная статья
УДК 94(571)
DOI 10.18101/2305-753X-2026-1-67-73

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ АДАПТАЦИЯ БЕЛОРУССКИХ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СИБИРИ

© **Прокопьева Анна Владимировна**
кандидат экономических наук, доцент
anna1900000@mail.ru

© **Шацкая Екатерина Александровна**
кандидат социологических наук, доцент
katerina_shat@mail.ru

Восточно-Сибирский институт МВД России
Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110

Аннотация. В статье рассматривается история переселения белорусских крестьян в Сибирь в конце XIX–XX в. Анализируются масштабы миграционных потоков, особенно в период столыпинской аграрной реформы и послевоенного освоения целинных земель, а также география расселения в губерниях Западной и Восточной Сибири. Особое внимание уделяется процессам адаптации переселенцев к природно-климатическим условиям региона, формам хозяйственного освоения (создание хуторов, развитие пашенного земледелия) и их вкладу в сибирскую экономику, включая распространение культуры льна и ремесленных традиций. На основе анализа исторических источников исследуется трансформация этнического самосознания белорусов в инокультурной среде под влиянием урбанизации, модернизации советской деревни и межэтнических контактов, с учетом конфессиональных особенностей. Выявляются факторы сохранения элементов этнокультурной идентичности у потомков переселенцев в современных сибирских деревнях.

Ключевые слова: белорусы, Сибирь, крестьяне-переселенцы, столыпинская аграрная реформа, этническая идентичность, адаптация, хутора, диаспора, этнокультурные процессы, ассимиляция.

Для цитирования

Прокопьева А. В., Шацкая Е. А. Этнокультурные процессы и хозяйственная адаптация белорусских крестьян-переселенцев в Сибири // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2026. Вып. 1. С. 67–73.

Формирование белорусской диаспоры в Сибири остается одним из малоизученных направлений региональной истории. Это сложно потому, что «материал разбросан по разным архивным фондам: ведомственные документы Министерства земледелия, частные письма, местные летописи» [10]. Нас интересует именно история тех выходцев, кто выбрал Сибирь второй родиной. Сотни тысяч человек уехали туда, и многие их поселения существуют до сих пор.

Мы поставили перед собой задачу: проследить основные этапы переселения, выявить характер адаптационных стратегий и понять, как менялось этническое самосознание потомков на протяжении XX в. Это позволяет увидеть не просто

цифры миграции, а реальные судьбы людей в конкретных исторических обстоятельствах.

Белорусы начали появляться в Сибири еще с XVII в., но тогда речь шла о единичных случаях. Военные службы, ссылка, служба в острогах — это не массовая миграция. А вот столыпинский период (1906–1914 гг.) действительно изменил картину. По данным статистики, за этот период в Сибирь отправилось свыше 600 тысяч белорусских крестьян. Цифра внушительная, особенно если учитывать общее население Белоруссии того времени.

Столыпин после инспекционной поездки заметил: «за 300 лет владения Сибирью в ней набралось всего 4 млн русского населения, а за последние 15 лет сразу прибыло 3 млн» [8, с. 12]. Эти данные подчеркивают интенсивный процесс освоения территории. Белорусская доля здесь была значительной.

Массовая волна пришлась на годы аграрной реформы Столыпина. Переселенцы шли неслыханными ранее темпами. Но куда конкретно они направлялись? Данные указывают на несколько ключевых губерний.

Губерния	Уезды (примеры)	Примечание
Тобольская	Тарский, Туринский, Ишимский	Основной поток
Томская	Мариинский, Каинский, Барнаульский	Вторичный поток
Енисейская	Ачинский, Канский	Компактные поселения
Иркутская	Нижнеудинский, Балаганский	Значительное присутствие

Важно понимать: люди выбирали места не случайно. Железная дорога имела приоритет. Плодородные земли вдоль рек — тоже. Но был еще один критерий: «природа, напоминающая родную. Предгорья, лесистые участки, богатые водой локации — такие условия облегчали психологическую адаптацию» [11].

Из каких именно мест происходили мигранты? Доминируют восточные губернии. Могилевская, Витебская и в меньшей степени Гомельская составили 74,6% общего потока. Минская и Гродненская области представлены значительно реже. Это объясняется расстоянием и доступностью маршрутов.

Отдельный вопрос — форма расселения. Здесь проявился интересный феномен: образование хуторов. Такая модель активно распространялась на Дальнем Востоке. Хутор представлял собой обособленное хозяйство — одно или несколько домохозяйств вместе. «Структура семейно-родовых связей в таких хозяйствах преобладала над коллективными общинными формами» [6, с. 179].

В Тобольской и Томской губерниях государство целенаправленно создавало именно хуторские хозяйства. Переселенцам давали ссуды на обустройство и на пять лет освобождали от налогов. Цель была понятной: стимулировать самостоятельную хозяйственную деятельность без зависимости от общины.

Для иллюстрации приведем несколько характерных случаев. Деревня Турганка в Иркутской области была основана в 1909 г. выходцами из Пружанского уезда Гродненской губернии. Переселенцы транспортировали с собой почти на тысячу верст домашнюю утварь, которую передавали от поколения к поколению. Планировка деревни до сих пор сохраняет белорусский характер: широкие ровные улицы, переулок через каждые шесть домов, палисадники с рябинами.

Этнографический музей, открытый Маргаритой Гуревской в 1974 г., «хранит подлинную горницу с рушниками, вышивками и старинной колыбелью без еди-

ного гвоздя» [11]. При музее работают хор «Варенички» и детский ансамбль «Рушничок», в школе преподают белорусский язык факультативно. Это не декорация, а живая традиция.

Деревня Васильевка (Баяндаевский район) появилась чуть раньше — в 1907 г. Переселенцы сначала составили детальный план поселения, по которому неизменно строят до наших дней. Старшее поколение и сегодня говорит по-белорусски. Фамилии жителей совпадают с теми, что встречаются в Брестской и Гомельской областях: Зданович, Могуйло, Бонько, Горошко, Крапусто.

Деревня Уяр (Минусинский уезд, Енисейская губерния) демонстрирует трудности первоначального этапа. Крестьянин Елиферий Подрядчиков отправился на разведку в 1894 г., а уже в 1895 г. привез семью. «Они везли не только скот, но и инвентарь: сохи, бороны, семена ржи, пшеницы, овса, ячменя. Сначала жили в землянках. Лишь спустя время построили бревенчатые избы» [11].

На Дальнем Востоке ситуация отличалась. В Приморье и на Дальнем Востоке переселенцы прибывали морским путем в период 1883–1895 гг. Значительную долю составили выходцы из Суражского уезда Черниговской губернии. Они создавали компактные общины для ведения земледелия.

Интересен термин «самоходы» — так называли белорусских переселенцев. Это слово означало добровольность и мобильность (самохаць — «по своему желанию»). Оно противопоставлялось статусу старожильского населения Сибири — чалдонов. Такое самоопределение важно: оно показывало активную позицию переселенцев.

Экономическая адаптация строилась по трем основным стратегиям, которые мы выделяем в своем анализе:

- 1) воспроизводство традиционных навыков, приобретенных на родине;
- 2) заимствование природопользовательского опыта у местных старожилов;
- 3) активное внедрение инноваций, инициированных государством.

Все три подхода существовали параллельно и дополняли друг друга. Изолированное применение любого из них было бы рискованным.

Особую роль играло льноводство. Почти каждый крестьянин на своих участках выращивал лен. Уже в начале XX в. создавались кооперативы для сбора и сбыта льняных тканей. «Волокно шло на одежду, семена — на масло. Примечательно: рабочие ходили в поле в белой льняной одежде. Одна из версий связывает название Белой Руси именно с этим» [2].

Солома льна и злаков использовалась для соломоплетения — уникального ремесла. Исследования показывают, что предки использовали солому как материал еще на рубеже II–I тыс. до н. э. «Пластичность и золотистый цвет вызывали ассоциации с золотом» [2]. В Сибири ремесло получило развитие — изделия сохраняются в музеях и семьях потомков.

Основные сельскохозяйственные культуры: рожь, пшеница, овес, ячмень, картофель, конопля. Но структура посевов корректировалась под местные условия. Долю морозостойчивых культур увеличивали. «Активно внедряли опыт выращивания кормовых трав, перенимая его у старожилов» [7, с. 103].

Вспомогательные отрасли: огородничество, садоводство, пчеловодство, охота, рыболовство. В таежных районах (урмане) доля охоты и собирательства возрастала — особенно на начальном этапе, когда «пашенное земледелие еще не давало стабильных урожаев» [7, с. 103]. Белорусы приносили усовершенствованные

орудия промысла: охотничьи сумки с сигнальным рогом, фитильные ружья, капканы. Для «коренного населения это было новым опытом» [1].

Конфессиональная неоднородность осложняла консолидацию. «Среди белорусов встречались православные (преобладающая часть), католики, униаты и последователи других конфессий» [3]. Однако в инокультурной среде более значимым фактором становились общее происхождение и хозяйственный уклад.

В западносибирских губерниях белорусы-католики формировали отдельные хутора и небольшие деревни. Это позволяло сохранять элементы религиозной идентичности. Но постепенно «из-за отсутствия католических приходов многие переходили в православие — и процесс ускорился» [9, с. 193].

Важную роль сыграла белорусизация 1920-х гг. Эта политика коренизации провозглашалась на XII съезде РКП(б) в 1923 г. Однако практической поддержки от местных властей она не получила — многие чиновники считали белорусов частью русского населения. «Несмотря на постоянные упоминания в партийных документах, весомой реализации эти задачи так и не получили» [4].

Процессы урбанизации во второй половине XX в. усилили ассимиляцию. Многие потомки переселенцев стали идентифицировать себя с русскими либо просто не задумывались о своем происхождении. Мощные «модернизационные процессы создали социальные лифты, но цена включала утрату языка и традиции» [4].

Даже в Иркутской губернии, где за время столыпинской реформы переселилось «около 300 тысяч белорусов, по современным переписям, осталось лишь 50 тысяч. Остальные не вымерли — они ассимилировались» [9, с. 193].

Межэтнические браки сыграли двойственную роль. С одной стороны, они способствовали интеграции, с другой — размывали этническую идентичность потомков.

Пример из Иркутской области: русские чиновники убедили бурятские племена выдавать женщин за белорусов. «Это должно было избежать проблемы вырождения родов из-за кровосмесительных браков» [9, с. 193]. Один из депутатов Заксобрания имеет историю, где отец с четырьмя братьями тянул жребий, кому жениться на бурятке. «Только тогда позволялось поставить дом в деревне Игоревка. Никто не хотел, но выбора не было» [9, с. 193].

Послевоенное укрупнение деревень по приказу Хрущева также ускорило ассимиляцию. «Чисто белорусская деревня Ахины стала наполовину бурятской из-за подселения жителей других народов» [9, с. 193]. Административное решение существенно повлияло на демографическую структуру.

В середине 1920-х гг. белорусы составляли большинство в «27 селах, 197 деревнях, 89 поселках и 434 хуторах. На их долю приходилась почти треть всех крупных национальных поселений Красноярского края» [7, с. 102]. В Тулунском районе Иркутской области из 157 деревень, созданных во время Столыпинской реформы, 124 заселили белорусы. Это показательная цифра компактности.

По состоянию на 2026 г. в Иркутской области сохраняется не менее 50 сельских населенных пунктов, основанных белорусами. Некоторые приобрели статус городского типа: Бельск в Усольском районе, город Алзамай в Нижнеудинском районе. «Крупные деревни с 90% белорусского населения: Икей (Тулунский район), Андриюшино (Куйтунский район), Анучинск (Балаганский район), Филип-

повск (Зиминский район)» [6, с. 193].

В населенных пунктах функционируют отделения национально-культурных организаций. Регулярно проходят праздники: Каляды, Гуканье Вясны, Купалье, Дажынкi, Дзяды. Созданы фольклорные коллективы, детские студии. «Молодежные группы в Иркутске проводят этнографические экспедиции, фиксируют песенный материал и выпускают компакт-диски» [6, с. 193].

Общая тенденция — отрицательная. По данным исследований, «численность белорусов в Красноярском крае сократилась в три раза за период с 1989 по 2010 год» [7, с. 103]. «Политика белорусизации 1920-х гг. на динамичные процессы саморусификации никак не повлияла» [4].

Трансформация этнической идентичности белорусских переселенцев представляет сложный многофакторный процесс. Ассимиляционные тенденции, особенно усилившиеся во второй половине XX в., превалировали над стремлением сохранить этнокультурную самобытность.

История показывает уникальный опыт адаптации традиционной культуры к новым условиям. За более чем сто лет белорусы внесли вклад в хозяйственное освоение Сибири, развитие земледелия, ремесел и промышленности. Льноводство и другие агрокультурные навыки обогатили аграрный потенциал региона.

Урбанизация, модернизация, межэтническая интеграция привели к существенному сокращению численности белорусов. Но в ряде поселений вроде Тургеневки в Иркутской области и Екатериновки в Омской области сохраняются культура, язык, традиции. Поддержание исторической памяти, работа национальных объединений, интерес к корням создают предпосылки для сохранения идентичности в XXI в.

Литература

1. Белорусы // Минусинский краеведческий музей им. Н. М. Мартыанова. URL: <https://xn----8sbahmlpvellw0ag7lzb.xn--p1ai/2024/08/29/белорусы/> (дата обращения: 07.02.2026).
2. Вклад белорусов в развитие советской Сибири // Velykoross.ru. URL: https://velykoross.ru/journals/all/journal_20/article_720/ (дата обращения: 07.02.2026).
3. Жигунова М. А. Белорусский компонент в социокультурном пространстве Сибири // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 3. С. 112–119. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/beloruskiy-komponent-v-sotsiokulturnom-prostranstve-sibiri> (дата обращения: 07.02.2026).
4. Каменецкий И. П. Выходцы из белорусских земель на службе в Сибири в XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 1. С. 85–89. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyhotdtsy-iz-beloruskih-zemel-na-sluzhbe-v-sibiri-v-xvii-v> (дата обращения: 07.02.2026).
5. Лапунов В. Белорусы в Сибири // Постоянный Комитет Союзного государства. URL: <https://xn--c1angbdpdf.xn--p1ai/history/196516/> (дата обращения: 07.02.2026).
6. Прокопьева А. В. «Привыкание к сибирской жизни»: исторический опыт адаптации крестьян-переселенцев в Иркутской губернии и его современное наследие // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21, № 3. С. 97–107. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-3-97-107.
7. Прокопьева А. В. Формы этнокультурной идентичности белорусских крестьян-переселенцев в Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20, № 2. С. 175–185.
8. Тобольск и вся Сибирь: литературно-художественный, историко-культурологический альманах. Кн. 30. Белорусы и Сибирь: в 2 томах / главный редактор

Ю. П. Перминов; составители Ю. П. Перминов, Р. Ю. Федоров. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2019. Т. 1. 720 с.

9. Федоров Р. Ю. Трансформации этнического самосознания у потомков белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 187–195. DOI: 10.17223/15617793/423/26.

10. Формирование белорусской идентичности является одним из актуальных направлений в изучении региональной и общенациональной истории // Белорусы в Сибири: связь поколений на примере переселенческой деревни Виленка Томского района. URL: <https://web.archive.org/web/20210511104530/https://xn--90anbaj9ad0j.xn--80asehdb/documents/belorusy-v-sibiri-svyaz-pokolenij-na-primere-pereselencheskoj-derevni-vilenka-tomskogo-rajona/> (дата обращения: 07.02.2026).

11. Штырбул А. А. Белорусская диаспора Сибири в период исторических потрясений первой четверти XX века // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 2–7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/beloruskaya-diaspora-sibiri-v-period-istoricheskikh-potryaseniy-pervoy-chetverti-hh-veka> (дата обращения: 02.02.2026).

Статья поступила в редакцию 02.03.2026; одобрена после рецензирования 10.03.2026; принята к публикации 24.03.2026.

ETHNOCULTURAL PROCESSES AND ECONOMIC ADAPTATION OF BELARUSIAN PEASANT SETTLERS IN SIBERIA

Anna V. Prokopyeva
Cand. Sci. (Econ.), A/Prof.
anna1900000@mail.ru

Ekaterina A. Shatskaya
Cand. Sci. (Sociol.), A/Prof.
katerina_shat@mail.ru

East-Siberian Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs
110 Lermontova St., 664074 Irkutsk, Russia

Abstract. The article studies the history of Belarusian peasant migration to Siberia in the late 19th–20th centuries. It analyzes the scale of migration flows, particularly during the Stolypin agrarian reform and the postwar development of virgin lands, as well as the geography of settlement in the provinces of Western and Eastern Siberia. Special attention is paid to the processes of adaptation of settlers to the region's natural and climatic conditions, forms of economic development (establishment of farmsteads, development of arable farming), and their contribution to the Siberian economy, including sources, the article explores the transformation of Belarusian ethnic self-consciousness in a different cultural environment under the influence of urbanization, modernization of the Soviet village, and interethnic contacts, taking into account confessional characteristics. The study identifies factors contributing to the preservation of elements of ethnocultural identity among the descendants of settlers in contemporary Siberian villages.

Keywords: Belarusians, Siberia, peasant settlers, Stolypin agrarian reform, ethnic identity, adaptation, farmsteads, diaspora, ethnocultural processes, assimilation.

А. В. Прокопьева, Е. А. Шацкая. Этнокультурные процессы и хозяйственная адаптация белорусских крестьян-переселенцев в Сибири

For citation

Prokopyeva, A. V. Shatskaya E. A. Ethnocultural Processes and Economic Adaptation Of Belarusian Peasant Settlers in Siberia. *Bulletin of Buryat State University. Inner Asia Humanities Research*. 2026; 1: 67–73 (in Russ.).

The article was submitted 02.03.2026; approved after reviewing 10.03.2026; accepted for publication 24.03.2026.